

18+

Евгений Кузьминов

УШЕЛЕЦ

Евгений Кузьминов

У Ш Е Л Е Ц

«Издательские решения»

Кузьминов Е.

У Ш Е Л Е Ц / Е. Кузьминов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984159-9

Бессодержательная повесть развлекательного характера. К реальности отношения не имеет, являясь по своей сути плодом большого воображения автора.

ISBN 978-5-44-984159-9

© Кузьминов Е.
© Издательские решения

Содержание

У Ш Е Л Е Ц	6
1. Племя Песчаной Реки	7
Конец ознакомительного фрагмента.	22

У Ш Е Л Е Ц

Евгений Кузьминов

© Евгений Кузьминов, 2020

ISBN 978-5-4498-4159-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

У Ш Е Л Е Ц

**Бессодержательная повесть
развлекательного характера.
К реальности отношения не
имеет, являясь, по своей сути,
плодом больного воображения
автора**

1. Племя Песчаной Реки

Охота была удачной. Две одичавшие свиньи и три козы несли на рогах возвращавшиеся с охоты соплеменники Алексея. Сам он шел впереди с заряженным арбалетом в руках и зорко смотрел по сторонам. Ему, как никому было известно, какую опасность представляют собой лазутчики Олигарха. До стойбища племени было еще далеко, а охотники, несущие добычу уже сильно устали. Прошедшая зима была тяжелой для племени. Сильные морозы и набеги воинственных амазонок Олигарха лишили и без того небольшой народ резервации многих сильных воинов. Несколько последних тощих лошадей, во избежание голодной смерти людей, пришлось забить на мясо. Поэтому теперь переносить охотничьи трофеи приходилось на своих плечах. Алексей остановился и дал команду уставшим соратникам сделать небольшой привал, отправив Османа и Махмуда, двух самых лучших охотников дозором обойти вокруг елани, выбранной им для отдыха. Сам он прилег в тени кустов и, жуя травинку задумался. На душе у Алексея было неспокойно, хорошая добыча не радовала как обычно и на то были свои причины. Две последние зимы племя Алексея подвергалось невиданному до сей поры преследованию со стороны Олигарха – здешнего полноправного правителя и вершителя судеб. С тех пор как закончилась последняя Мировая война, уже много зим племя Алексея жило в Долине Песчаной реки с Его милостивого разрешения. Так соплеменники между собой называли Олигарха, из опасения, что одно только упоминание имени Его может навлечь на племя неисчислимые беды. Народ в общине сложился из немногих выживших в той войне людей разных национальностей, пришедших с равнины, оттуда, где жить на выжженной и отравленной земле было невозможно. Арендной платой за проживание в резервации, по неписаному договору еще с предком нынешнего Олигарха, служил живой товар. Несколько молодых и здоровых парней и девушек, каждый год отдавались приходящему за ним конвою из амазонок. Зачем Ему были нужны эти парни и девушки никто не знал. Да и спросить было не у кого, ведь Олигарха в резервации никто и никогда не видел. Ежегодно приходящий за данью конвой был неразговорчив и, получив дань, быстро и молча, уходил восвояси. Впрочем, никто тогда не боялся службы в замке Олигарха. Попавшие туда считались счастливыми, им не грозил голод и холод, и можно было не опасаться быть съеденными дикими зверями. И вот две зимы назад договор был им вероломно нарушен. На племя стали постоянно нападать отряды амазонок, захватывая в плен всех без разбора, а сопротивляющихся безжалостно убивая. Вождь племени, отец Алексея, распорядился вооружиться всем соплеменникам, могущим держать в руках оружие, построить вокруг стоянки частокол из стволов деревьев и нести круглосуточный караул, для упреждения нападений амазонок. В результате несколько атак были успешно отбиты, нападающие понесли потери, и на несколько лун воцарилось тревожное затишье. Неожиданно размышления Алексея прервал запыхавшийся Махмуд, один из двух охотников отправленных Алексеем в дозор. Он что-то возбужденно и бессвязно бормотал, показывая рукой в направлении стойбища племени. Алексей оглянулся и увидел в том направлении три столба дыма от костров, поднимающихся к безоблачному небу. Алексей сразу же понял, что означает этот знак – это был сигнал тревоги, который предназначался именно для него. Успокоив заволновавшихся охотников, Алексей распорядился оставить охотничьи трофеи на самого молодого соплеменника. Остальным охотникам быстро, но осторожно продвигаться к стойбищу, впереди пустив все тех же Махмуда и Османа.

До стойбища оставалось два полета стрелы, когда охотники вышли на «секрет» состоявший из двух соплеменников, один из которых был ранен и наспех перевязан жгутом, сплетенным из травы. Он проводил Алексея в землянку вождя племени, на ходу коротко рассказав, что они недавно отбили атаку Его амазонок, понеся при этом большие потери. В ходе успешной контратаки захватили в плен одну из амазонок, но та отчаянно сопротивлялась, и ей удалось тяжело ранить вождя из арбалета, стреляющего огнем. Когда Алексей подошел к землянке отца он увидел привязанную к столбу, сидящую на земле, молодую женщину, облаченную в доспехи из какого-то черного металла. Лицо женщины было раскрашено красными и черными красками, покрыто глубокими свежими ранами и кровоподтеками. Недалеко от столба на земле лежало около десятка тел мужчин племени, возле которых сидели на коленях несколько женщин и детей. Они, раскачиваясь, вполголоса «тянули» заунывную песню, изредка прерывая ее, для того чтобы бросить камень или плюнуть в пленницу. Алексей на несколько секунд остановился возле столба, разглядывая амазонку. Та испуганно поджала ноги и с ненавистью исподлобья взглянула на него. Немного постояв рядом с амазонкой, Алексей стал спускаться по лестнице в землянку. Скрывшись уже по пояс в узком проходе, оглянулся – лицо женщины показалось ему знакомым. Глаза их встретились, и Алексей еще раз удивился той ненависти, которая была во взгляде женщины. Он ступил на земляной пол, покрытый козьими и овечьими шкурами, и тихо подошел к людям, сидящим возле раненого вождя. Тот лежал, закрыв глаза на ворохе из мягких шкур, лицо его было серым и безжизненным, из-под повязок охватывающих грудь раненого сочилась алая кровь. На полу сидели на корточках несколько человек, освещаемых двумя копящими светильниками из свиного жира. Один из сидящих поднялся ему на встречу – это был Иван, сводный брат Алексея. Он покачал головой, отвечая на немой вопрос своего брата. Алексей опустил на колени и дотронулся до руки раненого.

– Отец! – негромко позвал он.

Веки лежащего на шкурах вождя дрогнули, и он медленно открыл глаза. Некоторое время взгляд его бессмысленно блуждал по потолку и по лицам собравшихся вокруг людей, пока он не увидел Алексея. Взгляд вождя, как показалось со стороны, сделался осмысленным. Он поднял руку, подзывая к себе сына, и попытался приподняться на своем ложе. Алексей наклонился поближе к отцу, поддерживая его голову и стараясь разобрать невнятный шепот, но смог понять только несколько слов, из-за клекота и свиста, раздающегося из груди раненого. Так продолжалось несколько секунд, затем вождь бессильно откинулся на шкуры, закрыв глаза. По телу его пробежала дрожь и прерывисто вдохнув воздух несколько раз, он перестал дышать. Вождь племени Песчаной реки умер. Алексей медленно поднялся с колен, изо всех сил сдерживая слезы, готовые политься из глаз. Отец учил их с братом никогда не плакать, как бы больно им не было. И только сейчас, взглянув на Ивана, который также как и он сдерживал рыдания, Алексей понял мудрость отца. Сыновья вождя никогда не должны показать слабость своим соплеменникам.

Алексей отдал приказание относительно предстоящего погребения вождя, и они с братом вышли из землянки. Народ племени, несмотря на несколько поколений, прошедших со дня объединения в одно целое, исповедовал разные религии. Православие и ислам, буддизм и католическая вера, вот неполный список религий, отправляемых в резервации. Вождь и его сыновья были христианами и поэтому погребение должно быть сделано по православному обычаю. Алексей посмотрел на то место, где еще недавно стояла небольшая деревянная церковка. Во время

одного из набегов Его амазонки подожгли ее вместе со священником, и теперь на том месте были лишь одни угли. Но, так или иначе, а религиозные обычаи необходимо было неукоснительно соблюдать. Ведь по преданиям и последняя война, которая отождествлялась выжившими в ней с концом света, произошла потому, что люди забыли Бога, жили во лжи и грехе, не соблюдая заповедей предков. Алексей жестом подозвал мальчика, бывшего церковным служкой в сгоревшей церковке, и велел ему провести все необходимые обряды. Тот, молча, кивнул и пошел к землянке вождя. Братья в раздумье стояли на поляне. Вечерело. Длинные косые тени от деревьев лежали на вытоптанной земле, остывающее солнце в красном мареве медленно опускалось за горизонт. На сухом суку высокой сосны сидел нахохлившийся черный ворон и косил на братьев желтым глазом.

– Что сказал тебе отец? – после длинной паузы тихо спросил Иван.

– Я разобрал только два слова, – вздохнув, ответил Алексей.

– Какие? – нетерпеливо спросил Иван.

– Он сказал: «Спроси шамана...»

– О чем?

– Не знаю, – пожал плечами Алексей, – больше я ничего не расслышал.

– Пойдем к шаману? – спросил Иван.

– Потом, – сказал Алексей, – сначала надо допросить пленницу.

Они подошли к сидящей у столба амазонке. Та окинула их злобным взглядом и презрительно отвернулась.

– Как тебя зовут? – спросил Алексей амазонку. Та промолчала, по-прежнему высматривая что-то вдали, за горизонтом.

– Зачем вы нападаете на нас? Зачем убиваете наших людей?

И опять ответа не последовало.

Иван достал из кожаных ножен острый зазубренный нож и поднес его к шее амазонки. Однако та никак на это не прореагировала.

– Может быть, она не понимает по-русски? – спросил Иван, – ты слышишь меня, гадина?

Женщина с ненавистью посмотрела на него и снова отвернулась.

– Понимает, – сказал Алексей, – только мы зря теряем время, она ничего не скажет.

– О чем она думает? – спросил Иван.

Алексей нагнулся к женщине и пристально посмотрел ей в глаза. Через несколько секунд напряженного молчания он выпрямился и сказал: «Она не о чем не думает, она нас просто ненавидит».

– Что будем с ней делать?

– Пусть это решает Совет Племени, а нам нужно идти к шаману, – ответил ему Алексей и направился в сторону землянки шамана. Следом за ним двинулся Иван.

– Вы все умрете... Вас убьют Космиты. – неожиданно услышали они сзади тихий, до боли знакомый голос, и Алексей невольно вздрогнул. Он вернулся к пленнице, та сидела в том же положении, отрешенно глядя в сторону. Сын вождя еще раз пристально взгляделся в связанную женщину, сидящую у столба. Коротко стриженные темно-русые волосы, свежие раны и красно-черная раскраска делали лицо неузнаваемым, но голос, голос Алексей бы узнал из миллиона голосов. Это был голос его нареченной, его невесты, той, что амазонки Олигарха похитили еще прошлой зимой.

– Вера? – только и смог вымолвить растерявшийся Алексей, – Боже мой, ты жива,... Что они сделали с тобой?

Он бросился к ней, для того чтобы развязать веревки, но девушка неожиданно и очень больно укусила его за руку.

– Вера, ты что, не узнаешь меня? Это же я, Алексей! – он протянул к ней руки, но пленница отпрянула как от удара, испуганно и злобно глядя на него.

– Она тебя не узнает, – сказал стоявший рядом Иван, – у нее забрали душу, она теперь живой мертвец.

Алексей, молча, поднялся с колен и встал, бессильно опустив руки. Он вспомнил, что еще прошлой зимой к ним в резервацию пришел грязный и голодный оборванец. В нем соплеменники с трудом узнали парня, которого две зимы тому назад забрали Его амазонки вместе с другими молодыми пленниками в качестве дани. Пришедшего звали Ионой. После того как он был накормлен, его привели в землянку Совета племени, где Иона, путаясь, сбиваясь и постоянно повторяясь, рассказывал совершенно невероятные истории. В них сначала никто из старейшин не поверил, полагая, что рассказчик просто сошел с ума. Да и как можно было поверить в то, что рассказывал этот молодой еще человек, а по виду древний старик, худой как скелет, со свалывшимися редкими волосами, беззубым ртом и совершенно безумными глазами. Он рассказал, что когда их привели в замок Олигарха, они встретили там несколько бывших своих соплеменников, которые их почему-то не узнавали. Пленников выстроили в большом зале в шеренгу и к ним подошли двое: один – обычного земного облика человек, а второй – маленький тонкий и серебристый, нечеловеческого вида. Потом уже они узнали, что это был Космит. Охранял эту парочку эскорт из четырех рослых вооруженных амазонок.

Первый – человек, оглядев пленников, тихо, но очень властно сказал: «Я —

Олигарх, а вы мои рабы. Ваши жизни отныне принадлежат мне, и я волен, делать с ними все что пожелаю. Несколько из вас сейчас отберет мой друг Космит, а остальные будут служить мне верой и правдой до самой своей смерти». Олигарх величественно кивнул стоявшему рядом молчаливому Космиту, и тот медленно прошел вдоль шеренги новоиспеченных рабов. Проходя вдоль шеренги, он указал длинным узловатым пальцем на нескольких человек и тех сразу же увели Его слуги. Затем Он подал кому-то знак и оставшихся рабов повели куда-то длинными, темными коридорами. Их привели в округлую и мрачную комнату без окон, освещаемую настенными факелами и светом горящего костра в очаге посередине помещения. Дым от костра уходил вверх, но потолка Иона не разглядел, как не пытался. Неожиданно откуда-то появился маленький человечек в черном балахоне из шкур, с большим бубном в руке. На балахоне болтались разные веревочки, кисточки и колдовские амулеты. Черный шаман, Иона теперь понял, что это был именно он, обойдя вокруг застывших людей и пристально посмотрев в глаза каждого, неожиданно ударил в бубен и запрыгал по комнате в диком, причудливом танце. Так, стуча в бубен и распевая непонятные песни, шаман скакал довольно долго, постепенно убыстряя темп своей пляски, пока вдруг не упал неожиданно навзничь и не замер, лежа на твердом земляном полу с пеной на губах. Лежал он довольно долго, и Иона уже подумал, было, что он умер. Но шаман пошевелился, медленно поднялся и, положив рядом с собой бубен, поднял руки вверх, выкрикивая непонятные окружающим заклинания. Затем он махнул кому-то рукой и, не глядя на пленников, удалился из комнаты. Подошедшие слуги взяли каждого раба под руки, а помощник шамана, одетый в балахон попроще, залил им в рот, по очереди, из металлического кувшина, несколько глотков шаманского зелья. Некоторые из рабов сопротивлялись и не хотели пить колдовское зелье, но слуги были настойчивы и не переходили к следующему, пока не убеждались, что он выпил содержимого кувшина. А убедиться

в этом, как заметил и сам Иона, было довольно просто. Как только несчастный делал несколько глотков, по его телу пробегала судорога, а лицо искажала ужасная гримаса. Стражники тут же отпускали его, и раб безвольным кулем валился на земляной пол. Иона стоял последним в шеренге, но вот очередь дошла и до него. Понимая, что сопротивляться бесполезно, Иона сделал большой глоток. Зелья в кувшине осталось мало и ему досталось лишь несколько капель, но Иона сделал вид, что потерял сознание, и слуги отпустили его. Иона упал на пол и действительно лишился сознания, видимо и этих нескольких капель, что ему попали в рот, было для этого достаточно. Он очнулся от боли в руке и, открыв глаза, увидел наклонившегося к нему помощника шамана. Он колот Иону в руку острым ножом. Удостоверившись, что все рабы очнулись, помощник тихо вышел из комнаты, не заперев за собой дверь. Иона медленно поднялся на ноги, с трудом удерживая равновесие, и огляделся вокруг. В неверном свете факелов он увидел своих соплеменников, они сидели на полу с отрешенными лицами, некоторые из них раскачивались, что-то, тихо бормоча про себя. Рядом с ним сидел его друг – Иосиф и Иона позвал его по имени, наклонившись к нему. Иосиф даже не посмотрел на него, все также безучастно сидя на полу и раскачиваясь из стороны в сторону. Иона принялся тормошить друга, называя его по имени, но тот не узнавал его, видно шаманское зелье уже оказало на людей свое дьявольское воздействие. Постепенно силы вернулись к пленникам, но их сознание и память угасли навсегда. Рабов распределили по разным службам, причем по странной прихоти Олигарха, женщины становились воинами, а мужчины занимались хозяйственными и прочими обязанностями внутри замка. Иона, убедившись, что на товарищей рассчитывать не приходится, ничем не выдавал, что остался в здравом уме и памяти, бессловесно исполняя свои обязанности помощника повара. Через много лун, ему удалось бежать, когда его послали на заготовку дров для кухни за пределы ворот замка. Много дней и ночей скитался он, питаясь чем Бог послал, пока не вышел к резервации, окончательно одичав, потеряв счет дням и уже мало чем отличаясь от своих собратьев оставшихся в замке. Когда на Совете племени Иона рассказал свою историю, ему, конечно, никто не поверил. До того как на племя стали нападать амазонки, попасть в замок казалось всем великим счастьем и за него шла настоящая борьба, но попадали лишь единицы, да и то по жребию.

И вот сейчас, стоя рядом со своей безумной невестой, Алексей понял, что все то, что когда-то рассказывал Иона – правда. Правда, от первого и до последнего слова. И он сейчас просто не понимал, что ему нужно делать, да и можно ли вообще тут сделать что-нибудь. Чувство бессилия и безнадежности навалилось на Алексея. Посоветоваться ему было не с кем, ведь единственный человек, который мог бы им помочь, бездыханный лежал на смертном одре. А от старейшин он вряд ли мог услышать какой либо здравый совет. И старейшинами их трудно было назвать, потому что в племени из-за нападений зверей, болезней и голода редко кто доживал до сорока зим. Шаман, вероятно, был единственным человеком, кто мог им подсказать выход из сложившегося положения, ведь не зря же отец, умирая, что-то говорил про него. Алексей не хотел сначала идти к нему, православная вера не позволяла ему обращаться к служителю бесовских сил, но чувство ответственности за соплеменников перевесило личные чувства. Алексей еще раз взглянул в пустые и бессмысленные глаза своей невесты, пытаясь рассмотреть в них хоть искорку разума. Но он ничего там не увидел кроме ненависти и безумия. Перекрестившись и призвав себе на помощь крестную силу, Алексей решительно пошел в сторону землянки шамана. Иван, тенью, бесшумно двинулся за ним.

Отойдя на несколько метров от столба, Алексей услышал позади себя тихое рычание. Он оглянулся и увидел, что амазонке каким-то образом удалось освободиться от пут, и она быстрыми прыжками их нагоняет. В руке у нее сверкнул откуда-то взявшийся короткий, с кривым лезвием нож.

– Берегись! – крикнул Алексей и оттолкнул в сторону растерявшегося от неожиданного нападения брата. После того как он оттолкнул брата, Алексей и сам постарался увернуться от смертельного железа, но было видно, слишком поздно. Он почувствовал сильную боль в груди и, вскрикнув, упал на спину, больно ударившись затылком об утрамбованную землю. Амазонка стояла над ним, хрипло дыша и хищно раздувая ноздри, в правой руке ее был зажат окровавленный нож.

– Вера! Стой! – крикнул Алексей, но та, не обращая на его слова никакого внимания, рыча, набросилась на своего бывшего жениха. Алексею все же удалось в последний момент схватить ее за руки, и они какое-то время молча, боролись, глядя, друг другу в глаза. Неожиданно захват амазонки ослабел, и в лицо Алексея ударила струя горячей крови. Алексей отбросил в сторону обмякшее тело нападавшей, вскочил на ноги и увидел стоящего рядом Ивана с ножом в руке. С лезвия ножа на землю капала кровь. Алексей бросился к лежащей ничком Вере, перевернул ее на спину, заглянул в закатившиеся, помутневшие глаза и понял что все уже кончено, его невеста была мертва. Он медленно поднялся на ноги и, не обращая внимания на растерянных соплеменников, побрел, куда глаза глядят. Пройдя несколько шагов, Алексей остановился и, прижав руку к ране на груди, застонал от сильной боли. Шатаясь, он опустился на землю и... проснулся.

2. Дачные неудачники

Алексей сидел на смятой постели и растерянно озирался по сторонам. Он был все еще под впечатлением от пережитого во сне и не мог сразу сообразить, где сейчас находится. Постепенно сознание к нему вернулось и он, наконец, понял, что пребывает в данный момент не на какой-то мифической поляне Племена Песчаной реки, а на своей даче, в Мыльникове. На продавленной кушетке, рядом с которой стоит стол с остатками вчерашнего скромного застолья.

– Ну и дела... – прохрипел Алексей и закашлялся. Затем одной рукой потрогал большую голову, а второй ноющую грудь.

– Дела, – повторил он, – где же это я так? Упал что ли? Все, надо завязывать.

Проклятая память наотрез отказывалась выдавать более или менее подходящие версии вчерашних (да и вчерашних ли?) событий.

– Так, минуточку, – Алексей нахмурился, пытаясь собрать в кучу ленивые и скудные мысли, – мы вчера...Вчера? Ну да, вчера, с Петровичем...

Стоп! Петрович. Ну, наконец-то! Петрович! Вот кто сможет дать ответ хотя бы на один вопрос в этой загадочной истории. Петрович – это сторож садового товарищества, сосед по даче, бывший сослуживец, собутыльник и просто старый закадычный друг, которого он знал еще с институтской скамьи. Когда-то они вместе учились в МИСИ, работали в НИИ подземных сооружений имени Герсеванова и даже дружили семьями до тех пор, пока были женаты. Все это было в «глухие застойные» времена, как сейчас принято говорить. С приходом дикого капитализма работа

в институте перестала приносить материальное удовлетворение, что неизбежно сказалось и на отношениях в семье. Женам и детям требовались финансовые поступления, а с ними стало напряженно. Попытки заняться коммерцией неизменно заканчивались крахом, вероятно ввиду оказавшейся полной неготовности новоявленных коммерсантов к новым рыночным отношениям. В частности Петрович пробовал свои силы в строительном бизнесе, став соучредителем фирмы по реконструкции старых зданий. Только вот компаньон его оказался хоть и молодым, но довольно ушлым и Петрович, будучи весьма эрудированным технически, оказался полным профаном в юридических вопросах. Так, удачно развивающаяся фирма, имеющая стабильную прибыль, вдруг почему-то оказалась банкротом, а Петрович, подписывающий финансовые документы, попал под суд и лишился квартиры в центре Москвы. Не пострадавший материально соучредитель, вскоре открыл новую фирму, в которую уже не пригласил бывшего компаньона. Петрович, лишившийся квартиры, вскоре лишился и семьи, не пожелавшей более терпеть неудачника. Примерно по такому же сценарию развивалась и рыночная карьера Алексея, с разницей лишь в сфере приложения сил. Он потерпел фиаско в торговом бизнесе, будучи сначала совладельцем нескольких торговых палаток. В результате нескольких неудачных сделок, Алексей стал простым продавцом в ночном ларьке для отработки повисшего на нем долга. Ему еще относительно повезло, он не лишился ни квартиры, ни стареньких «Жигулей», на которых сейчас и подрабатывал, занимаясь частным извозом. Но, как и в случае с Петровичем, жена не стала дожидаться финансового благополучия, а вышла замуж за бывшего соучредителя фирмы Алексея, который в результате злключений Алексея почему-то стал весьма обеспеченным человеком. Такие неудачи не могли не сказаться на характере друзей, которые, как и все русские люди в таком случае, стали топить свои неудачи в вине, попутно ища в нем же истину. Как можно здесь заметить, процесс капитализации на Руси, проходил не совсем гладко. Но не зря же говорил еще товарищ Берия: «Лес рубят – щепки летят». И сколько таких щепок потребовалось, (да и потребует еще) чтобы раскошегарить локомотив Российской истории, одному Богу известно.

Алексей поднялся с кушетки, чтобы поспешить к своему другу. Но, потеряв равновесие, качнулся и понял, что без дополнительного допинга ему не дойти до соседнего участка. На такой пожарный случай, а другим его и нельзя было назвать, поскольку именно «трубы горели», как принято сейчас выражаться, у Алексея всегда был НЗ в виде бутылки пива в старом холодильнике. Он насколько мог быстро, короткими галсами, стал передвигаться в сторону кухни. Подойдя, наконец, к древнему, обшарпанному «Минску», Алексей в нерешительности замер, опасаясь самого худшего. Дрожащей рукой он открыл скрипнувшую дверцу холодильника и облегченно вздохнул: бутылка «Клинского» была на своем месте. Алексей взял бутылку, привычным движением о дверцу того же холодильника сорвал крышку и, наконец, припал таки к живительной и прохладной влаге. За два глотка ополовинив бутылку, он сделал передышку, прижав бутылку к горячему, покрытому испариной лбу, с удовлетворением ощущая, как холодный ручеек струится по пищеводу в пустой желудок. Не глядя назад, он отступил от холодильника на два шага, чтобы сесть на старый диван. Однако вместо дивана, неожиданно он оказался сидящим на грязном полу, пребольно ударившись при падении задним местом. Алексей в растерянности посмотрел по сторонам, ощупав для верности пыльный прямоугольник линолеума, на котором обычно стоял диван.

Дивана не было.

– Надо же, – сказал растерянный Алексей, уже даже не пытаясь представить, куда мог деться диван. Он уже заранее знал, что это ему не удастся, все более становясь простым статистом в новых непонятных событиях. Самое приятное в его положении было то, что он не разбил бутылку с пивом при неудачном приземлении. Алексей решил не искушать более судьбу и здесь же сидя на грязном линолеуме, допил остаток пива. Посидев еще немного на полу, и прикинув, какие еще сюрпризы приготовил ему грядущий день, он отставил в сторону пустую бутылку. Медленно поднялся на ноги и решительным шагом направился к входной двери. Впрочем, неправдой было бы утверждение, что ничего положительного не было в состоянии Алексея. А именно то, что вчера ввиду сильной усталости организма, он лег спать одетым, дало ему сегодня возможность не тратить время и силы на одевание, что в его положении было уже не маловажно. Подойдя к выходу, Алексей не увидел ключа на своем обычном месте рядом с дверью на гвоздике. Но уже, почему-то не удивился этому, а просто вышел из дома и, прикрыв дверь, сбежал с крыльца и пошел по садовой дорожке к калитке. Подходя к калитке, Алексей заметил что денек, вероятно, будет хорошим, солнышко не жалело света для земных обитателей, да и головная боль кажется уже отступила. Словом, все складывалось не так уж и плохо как показалось вначале, ну а то, что приснился дурацкий сон, и пропал диван – так это не самое скверное, что может случиться в жизни. Настроение Алексей значительно улучшилось, и уже насвистывая веселый мотивчик, он запирает калитку на задвижку, как услышал сзади топот ног и истерический вопль: “ Он вернулся! Он вернулся!» Голос принадлежал соседке Алексея через две дачи, Алле Владимировне, пенсионерке и бывшему коменданту общежития. В домашнем халате, тапочках и бигуди она бежала вдоль забора прямо на Алексея. И когда тот отступил в сторону чтобы не столкнуться с женщиной, она пробежала мимо, даже не взглянув на него.

– Дела ... – уже в который раз за утро сказал Алексей. Но, решив уже сегодня ничему не удивляться, закурился, он пошел к Петровичу.

* * *

– Пухлый, из дачи номер 37 вышел какой-то «мутный» тип, пометь на плане, – закурился, приказал напарнику Мирон, сидевший за рулем неприметной вишневым «девятки» с тонированными стеклами, припаркованной в тени цветущих деревьев. Пухлый – молодой, упитанный парень со сломанным носом, сидевший рядом с водителем, поставил крестик на плане, там, где был обозначен упомянутый дом.

– Какая-то баба бежит, орет чего-то, – негромко сказал Мирон, – откуда она выбежала, не заметил?

– Нет.

– Неест, – передразнил напарника Мирон, – а кто смотреть будет? Мне одному, что ли разведку вести? А ты здесь на кой?

– Я записываю, – неуверенным баском ответил Пухлый.

– Записывает он, видите ли, – недовольно протянул Мирон, – ты это Карамору расскажи, он тебя быстро запишет. В покойники. Понятно объясняю?

Пухлый промолчал.

– Ты давай тоже наблюдай, а то по домам пойдешь, и сам будешь узнавать, кто, где живет. Понял?

– Понял, – посопев, ответил Пухлый.

* * *

Дача Петровича стояла напротив дачи Алексея, и уже через пару минут тот стоял на крыльчке и звонил в дверной звонок.

– Иду! – услышал Алексей из-за дверей, вскоре дверь открылась, и на пороге появился Петрович. По виду приятель Алексея удивительно походил на обычного ботаника. Высокий, сутулый, худой тип в очках, вязанной шерстяной кофте, тренировочных штанах и стоптанных домашних тапочках. Этаким Паганель русского разлива, именно разлива, а не пошиба или там масштаба. Впрочем, и ботаником его можно было назвать и не за глаза, потому что когда-то в молодые годы он учился в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, с первого курса которой был отчислен именно за пристрастие к разливу и распитию.

– Проходи, – сказал Петрович, – я сейчас чайник поставлю.

Алексей, молча, прошел на кухню и также молча, опустился на деревянный табурет.

– Ну, как дела? – взглянув на приятеля поверх очков, спросил Петрович.

Алексей опять промолчал, неопределенно махнув рукой, глядя в окно.

– Понятно, – сказал Петрович и достал из холодильника бутылку «Столичной».

– К барьеру, – негромко скомандовал Петрович и разлил водку по небольшим стопкам.

Алексей, дрожащей рукой, взял со стола налитую до краев стопку и, капая себе на спортивные брюки, одним глотком ее осушил. Поставив на грязную скатерть стола пустую посудину, и жестом отказавшись от вареной колбасы, Алексей закурил. Закурил и Петрович, с интересом поглядывая на друга, вероятно догадываясь, что того что-то мучает.

– Что, дружок, похмелье? – ласково улыбаясь, спросил Петрович.

Алексей никак не прореагировал на этот дружеский укол.

Перед его мысленным взором вновь возник образ амазонки в латах, с обезображенным лицом и с ножом в руках. Видение было настолько реально, что его забила крупная дрожь, и к действительности он вернулся оттого, что его тряс за плечо Петрович, обеспокоенный состоянием приятеля.

– Леша, что с тобой? – взволнованно спросил тот.

– Не знаю, – растерянно ответил Алексей, – чертовщина какая-то мерещится.

– Держи, – сказал Петрович, наливая приятелю вторую стопку.

– А ты?

– Не хочу. Пока.

Алексей всегда уважал Петровича за такую силу воли.

Петрович встал, подошел к окну кухни и присев на подоконник, спросил:

– А кто там кричал на улице, ты случайно не видел?

– Алла Владимировна.

– Да ну! А что случилось?

– Не знаю, она пробежала мимо. По-моему она меня не заметила.

Друзья помолчали.

– А я прошедшей ночью не спал, по долгу службы, ну ты сам знаешь, – немного помолчав, сказал Петрович, – настроение было какое-то лирическое. Стишат вот немного «накропал».

Алексей с интересом взглянул на товарища. Он знал о разносторонних талантах Петровича, но чтобы ночью, после посиделок со спиртным, еще и стихи писать, это уже было слишком.

Петрович откашлялся, поправил очки и, глядя на мятую бумажку, с пафосом начал декламировать:

Мы живем в перевернутом мире,
В нем мораль исповедует зло.
Кровь людская разлита в потире,
И в чести упырей ремесло.

Воззови и тебя не услышат,
Оступись и к тебе не придут...

– Постой, Петрович, – Алексей протестующе поднял руки, – все знают про твою способность поглощать спиртное в немеряных количествах, но что бы потом еще и стихи писать. Если еще учесть, что я не разбираюсь в поэзии, да тем более сегодня.

– А что случилось? – спросил Петрович.

– Да знаешь, – Алексей замялся, не зная с чего начать, – сон мне приснился ночью какой-то странный.

– Кошмарный что ли? – спросил Петрович, – ну, после злоупотребления (здесь он щелкнул пальцем себя по шее) это в порядке вещей. Я, например, в это время стараюсь вообще не спать, потому что...

– Да ты не понял, – поморщившись, перебил друга Алексей, – это был не кошмар, а как будто я смотрел кино и в этом кино в главной роли как будто бы был я сам. Бывало это с тобой?

– Нет. А что тебе снилось?

– Вот в том то и дело что... Сам не пойму. Вроде бы, будто бы, я был сыном вождя племени, и на наше стойбище нападают амазонки...

Алексей замолчал, вероятно, вспоминая, что ему еще приснилось.

– Амазонки, говоришь? Ну и что здесь странного? Обычный сон. Начитался в свое время исторических книг и вот сейчас пожинаешь плоды.

– Да в том то и дело что действие происходит не в прошлом, а в будущем, после Мировой войны, когда мало людей осталось на Земле.

– А как это ты узнал, что это будущее, а не прошлое? – спросил Петрович.

– Не знаю. Я как будто это и так знал. Да и еще был такой персонаж, которого звали Олигарх.

– Это, конечно, меняет дело. В прошлом олигархов не было, – задумчиво поскреб щетинистый подбородок Петрович, – то есть, конечно, были, но вновь в обиход это название ввел не так давно, Солженицын, если я ничего не путаю.

– Петрович, ты же лежал в Кащенко, как, по-твоему, может это у меня уже белая горячка начинается?

– Во-первых, – насупился Петрович, – Я там был совсем по другому поводу, меня туда жена упрятала, чтобы квартиру себе забрать, ты же знаешь. А во-вторых, тебе, наверное, лучше обратится к специалисту.

– Да ты не обижайся, – сказал Алексей, – я знаю, что ты не псих.

– Спасибо и на этом.

– Ну, ты же видел настоящих психов, как они выглядят? – не унимался Алексей.

– Как настоящие психи выглядят, Леша, ты и сам скоро увидишь, если будешь приставать к людям с такими расспросами, – глядя на собеседника поверх очков, изрек Петрович, – хотя, лично я, тебе этого делать не советую. Я вот, например, рассказал как-то своей жене сон и оказался потом в психбольнице. Вот как бывает, а ты говоришь: «Купаться!».

– А про какой сон ты ей рассказывал? – заинтересовался Алексей.

– Ну, не совсем сон, да и давно это было, – поморщился Петрович. По всему было видно, что он не хотел говорить на эту тему, но Алексей был настойчив.

– Расскажи, Петрович, – не отставал он.

– Да это долгая история, – все еще вяло отнекивался Петрович, а может быть, просто разжигал интерес собеседника, – ну, слушай, коли охота.

Петрович разлил водку по стопкам, не торопясь, выпил свою, зажевал луковой стрелкой и повел рассказ.

– Как я уже сказал, это было давно, мы со своей только расписались. Был еще «медовый» месяц, как говорится. И вот заболел у меня живот. Болит и болит. Неделю я так мучился. Что делать, не знаю. Пошел в больницу, хирург пощупал живот и говорит: “ У тебя, парень, аппендицит. Нужно срочно оперировать, а то будет поздно». Я спрашиваю: ” А что будет-то?”. «Перитонит будет, а может уже есть».

– А что такое «перитонит»? – спросил Алексей.

– Воспаление брюшной полости, «темнота», – вздохнув, ответил Петрович.

– А это опасно?

– Ну, как бы тебе объяснить? – задумался Петрович, пустив колечко дыма к потолку кухни, – Пушкина помнишь?

– Какого Пушкина? – не понял Алексей.

– Александра Сергеевича.

– Ну, помню, конечно.

– От перитонита умер, после дуэли с Дантесом, если тебе это о чем-то говорит. Но дело не в этом. Короче, сделали мне анализ крови, лейкоцитов в крови выше всех норм вместе взятых. Хирург сказал: “ Иди, брей живот, и на стол». Лег я на стол, привязали меня к нему, вкололи наркоз и слышу я, засыпая, как хирург-Гагарин говорит кому-то: «Поехали!»! Дальше провал в памяти, потом очнулся я, и ничего не пойму: где нахожусь непонятно, явно не в палате, стен не видно, ничего не видно, яркий свет слепит глаза. Стою я, значит, прикрываюсь от света рукой и замечаю, что стою не на полу, а на какой-то мягкой вате и вокруг ни одной живой души, как говорится. И ощущение какое-то странное, знаю ведь, что операцию мне сделали, а ничего не болит, легкость какая-то в теле необыкновенная, прямо бы так взял и полетел бы. Решил я пройти вперед, иду и вижу: стоят две странные фигуры в белых балахонах, как у Ку-клукс-клана, и вроде как о чем-то разговаривают, а о чем не разберу. Подошел я к ним чтобы спросить: мол, где это я, а они на меня никакого внимания не обращают. Стоят вполоборота друг к другу, тет-а-тет, вернее капюшон к капюшону, а лиц я разглядеть не могу, какое-то свечение из-под капюшонов сплошное. Что делать? Обошел я вокруг них и тут... Мама, дорогая! Смотрю, а у них сзади, поверх балахонов – крылья как у птиц, только большие, до пят и белые. Тут я совсем запаниковал, хотел закричать и вдруг очнулся! Лежу я на койке в палате, кругом темно, ночь за окном, вокруг больные лежат, и все тело болит, ну просто ломит. И здесь я понял, что просто сон мне приснился. Видно большую дозу наркоза мне дали, вот и привиделось, Бог знает что. А утром, на обходе, дежурный врач,

татарин, у меня и спрашивает: как, мол, себя чувствуете? И смотрит на меня как-то странно, вроде как удивляется, что я еще жив. «Ничего, говорю, нормально, только тело все болит. Ничего удивительного, говорит, случай очень запущенный, обычно плохо заканчивается, а у вас, видно организм сильный, выдержал».

Выписался я из больницы и не знаю зачем, рассказал жене, какой мне сон привиделся после наркоза. Та мне ничего не ответила, только посмотрела на меня как-то странно, как тот врач в больнице. Рассказал я свой сон еще нескольким друзьям и у всех та же реакция. А времена тогда были, сам помнишь какие, все были атеистами и понял я, что лучше такие сны никому не рассказывать, а то сочтут еще душевнобольным. Так собственно и вышло, только значительно позже, когда мы развелись. Моя бывшая супруга вызвала специальную бригаду, а я как раз с похмелья сильного был, думал, что она меня кодировать собралась. Врач, молодой такой, но вежливый, обходительный, спрашивает: «Чертей, мол, случайно не видели во сне или наяву? А я, лопух, говорю, нет, чертей не видел, мол, только ангелов». Тут они с женой переглянулись, и врач ласково так говорит: «Мы сейчас вам укольчик снотворного сделаем, и вы немного поспите». Сделали мне укол, и проснулся я уже в психбольнице. Полежал, правда, я там не долго, врачи у них действительно квалифицированные, разобрались, выписали домой. Кстати, телефончик есть, хороший врач, и берет недорого. А дома-то у меня, оказывается, уже нет. Вот как бывает, Леша.

– Почему ты мне раньше этого не рассказывал, Петрович? – спросил Алексей.

– Потому и не рассказывал, и тебе не советую рассказывать свои сны кому попало, – ответил Петрович.

Друзья помолчали.

– Так я не понял про этих ангелов, – подал голос Алексей, – сон это был или нет?

– Не знаю. Да сейчас это и не имеет значения, – ответил Петрович, – только вот что меня долгое время мучило...

– Что? – спросил Алексей.

– Люди, которые были по ту сторону смерти и вернулись назад, обычно надеялись сверхъестественными способностями.

– Да, я тоже это слышал, – поддержал друга Алексей, – ну и что?

– А у меня-то никаких таких необычных способностей не прибавилось, вот что обидно, – вздохнул Петрович.

– Жалко, – искренне посочувствовал другу Алексей.

– А потом я понял, что есть.

– Что, есть? – не понял Алексей.

– Есть у меня такая особенность.

– Ну и в чем же она выражается? – заинтересовался Алексей.

– Да вот как раз в том, о чем ты говорил, – ответил Петрович.

– В чем же? – переспросил Алексей.

– А в том, что я могу спиртное потреблять в больших количествах и без ущерба для здоровья, – ответил Петрович, – только вот зачем меня наградили этим, я понять не могу. Лучше бы я экстрасенсом стал каким-нибудь или, на худой конец, математиком.

– А ведь верно, – сказал Алексей, – талант к этому делу у тебя огромный, все только удивляются.

– Ну вот, ты теперь, удивляться не будешь, – сказал Петрович.

– За это дело надо выпить, – сказал Алексей.

– Думаешь, надо? – грустно спросил Петрович, – тебе, когда на работу?

– А сегодня что у нас? Суббота? – спросил Алексей, – тогда завтра.
Но это не важно. Я сам себе голова, у меня начальников теперь нету.
Захочу, поеду на работу, захочу – нет. Вот так. Наливай.

Не успел Петрович взяться за бутылку, как раздался звонок в дверь. Петрович пошел открывать. Вернулся Петрович не один, а с Сергеем Сергеевичем Отрышко, председателем дачного кооператива, подполковником в отставке.

– Проходи, Сергеич, присаживайся, – сказал Петрович.

Председатель поздоровался с Алексеем, присел за стол и оглядел его содержимое.

– Пьете? – равнодушно спросил он, вздохнув.

– Давай с нами, Сергеич, – радушно пригласил Алексей.

К немалому удивлению друзей, Сергей Сергеевич, обычно и на дух, не переносящий алкоголя, молча, взял бутылку, оставил предложенную Петровичем стопку, а взял невымытый граненый стакан. Наполнил его до краев и молча, не морщась, осушил. Выпив водку, он так же молча, поставил стакан, и стал меланхолично жевать кусок вареной колбасы, глядя куда-то в окно.

Друзья переглянулись в недоумении. Немая сцена продлилась несколько секунд.

Наконец, откашлявшись, подал голос Петрович.

– Что случилось, Сергеич? – спросил он.

– Что случилось? – равнодушно повторил председатель, – да ничего особенного.

Вот, почитайте эту бумажку, ребятки.

Председатель достал из кармана пиджака сложенный вчетверо лист бумаги и бросил его на стол.

Петрович поправил очки, развернул лист и стал его разглядывать. Качественная бумага, штампы госучреждений и синий чернильный росчерк внизу текста говорили о том, что бумага пришла из серьезной организации.

– Так, – сказал Петрович и стал читать содержимое послания.

– Госкомприроды доводит до вашего сведения... так... находится в природоохранной зоне... так... в черте водозабора... ага... Вам надлежит в пятидневный срок освободить занимаемую территорию... так... в случае неисполнения... подпись...

Петрович положил бумагу на стол, снял очки и принялся, молча растирать переносицу.

– Что это все значит? – наконец не выдержал Алексей.

– Что значит? – равнодушно ответил Сергей Сергеевич, подняв, пустую бутылку и, рассматривая ее на просвет, – а это значит, ребятки, что нас с вами просят убраться отсюда подобру-поздорову в пятидневный срок.

– То есть, как это убраться? – не понял Алексей, – наше садоводческое товарищество здесь уже двадцать лет, все разрешения есть...

– Были... – перебил его председатель, показывая, пустую бутылку Петровичу.

Петрович, молча, поднялся со стула и достал из холодильника полную поллитровку.

– Чего? – не понял Алексей.

– Были, – повторил Сергей Сергеевич, наливая водку в стакан, – были разрешения, а теперь как видишь, выясняется, что их уже нет. Вот такие дела, ребятки.

Председатель опорожнил второй стакан и потянулся к лежащей на столе пачке сигарет. Друзья уже не удивились, что некурящий председатель достает сигарету

из пачки. Петрович автоматически протянул ему зажигалку. Сергей Сергеевич прикурил, затянулся сигаретой и закашлялся.

– Давно не курил, – сказал он, откашлявшись и утерев слезы.

– Ну и что теперь делать? – спросил Алексей.

– Что делать? Кобыле хрен приделать и за мерина продать, – грустно пошутил председатель.

Друзья опять переглянулись. Обычно таких шуточек они от Сергея Сергеевича не слышали. Значит, дело было действительно серьезным.

* * *

– Записывай, в номер 34 зашел председатель кооператива, – продиктовал Мирон напарнику, – засуетились.

Тот старательно что-то записал в тетрадь.

– Да не записывай ты «засуетились», Пухлый, – поморщился Мирон, – это же я так сказал, для себя.

– Понял.

– У тебя в школе, по русскому языку, что было? – поинтересовался Мирон, заглянув в записи напарника.

– Тройка, – посопев, ответил Пухлый.

– Тройка? – удивился Мирон, – я бы тебе больше двойки не поставил, напарник. Слово кооператив пишется с двумя буквами о. Карамор оставит нас без жалованья за такой отчет.

– Мирон, а зачем нам писать эти отчеты? – пробасил Пухлый, – припугнуть парочку жителей как следует или дом поджечь, они сами отсюда убегут!

– Нельзя, – устало, как неразумному ребенку сказал Мирон, – Карамор теперь депутат, а мы не бандиты, а помощники депутата. Понял?

– Ага, – ответил Пухлый, но по тону, можно было догадаться, что он ничего не понял.

* * *

– Сергеич, а может быть это ошибка? – с надеждой спросил Петрович.

– Я тоже так было, подумал и позвонил по указанному в письме телефону, – председатель показал пальцем на лежащую на столе бумагу, – нет здесь никакой ошибки, все правильно.

– Надо что-то делать! Нельзя сидеть, сложа руки! – вскипел Алексей, – Петрович, ты чего молчишь?

– Я не молчу, – сказал Петрович, – Сергеич, наверное, нужно собирать народ.

– Короче так, ребятки, – сказал председатель, хлопнув себя ладонями по коленкам, – собрание мы, конечно, соберем, я к вам за тем и пришел. Завтра в десять, повестку вы знаете. Только вот что я вам хотел сказать.

Тут Сергей Сергеевич на секунду задумался.

– Мне уже сегодня звонили по этому поводу и просили убраться по-хорошему. Пока по-хорошему.

– Кто звонил?

– Кто? Не знаю. Да и какая разница, – вздохнул председатель, – сказали, что один депутат в этом очень заинтересован.

– Какой депутат? – спросил Алексей.

Председатель поманил его пальцем, и что-то прошептал на ухо.

– Да какой это депутат, это же местный бандит.

– Был бандит, а теперь депутат, да теперь это и не так важно, – сказал председатель, – мне прозрачно намекнули, что знают, где учатся мои внуки и просили не делать глупостей. Так что мы завтра с женой уезжаем в город. Народ я уже весь оповестил о собрании, положение дел вы знаете. Можете меня считать подлецом и предателем, но мне мои внуки дороже шести соток.

Председатель поднялся на ноги, погасил сигарету в банке с бычками в томате, попрощался с друзьями и нетвердой походкой направился к выходу.

После ухода председателя друзья несколько минут сидели, молча, переваривая полученную информацию.

– Что за день сегодня такой, – подал, наконец, голос Алексей, – ключ от дома пропал, диван пропал, а теперь еще и участок пропадает.

– Ничего удивительного, – прорезался голос и у Петровича, – здесь конечно не Рублево-Успенское шоссе, но земля тоже немало стоит. И кому-то эта земля очень и очень понадобилась. Так что друг мой Леха, надо собирать свои пожитки и «сваливать» отсюда добровольно. Эти ребята шутить не любят, пустят «красного петуха» или свинцом «нашпигуют». Вот только куда бедному крестьянину податься? У тебя хоть квартира осталась, а у меня ни кола, ни двора.

– Да погоди ты. Как это «сваливать»? – все еще не мог уgomониться Алексей, – нужно заявление написать, в милицию...

– Молодец, здОрово придумал, – засмеялся Петрович, – учит тебя жизнь, учит, водит лицом по батарее, водит, а ты все как младенец, все справедливость ищешь. Нету справедливости на свете, Леша, нету, да и нас, если хорошо задуматься, тоже нету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.